

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 81–87
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(1):81–87

Проблемы конституционного и муниципального права

Научная статья

УДК 342

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-81-87

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павел Петрович Баранов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, pravosoznanie@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о законодательном обеспечении идеи единства публичной власти на основе анализа современного российского законодательства в данной сфере. Особое внимание в статье уделяется законодательным итогам конституционной реформы 2020 года, в рамках которой впервые были легализованы понятия «публичной власти», «органов публичной власти» и «единой системы публичной власти». Автор обращает внимание на отсутствие в современной науке и законодательстве единого понимания таких основополагающих категорий, как «орган государственной власти» и «государственный орган», что значительным образом затрудняет понимание конституционной идеи единой системы публичной власти.

Ключевые слова: государственная власть, государственный орган, единая система публичной власти, конституционная реформа, Конституция РФ, местная власть, орган государственной власти, публичная власть

Для цитирования: Баранов П. П. Новеллы законодательного закрепления принципа единства публичной власти в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 81-87. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-81-87>.

Problems of Constitutional and Municipal Law

Original article

IMPROVEMENT OF THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF NATIONAL UNITY OF RUSSIAN SOCIETY

Pavel P. Baranov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, pravosoznanie@gmail.com

Abstract. The article deals with the issue of legislative support for the idea of a unified public authority based on the analysis of modern Russian legislation in this area. Particular attention is paid to the legislative results of the constitutional reform of 2020, within which the concepts of “public authority”, “public authorities” and “unified system of public authority” were legalized for the first time. The author draws attention to the lack of a common understanding in modern science and legislation of such fundamental categories as “public authority” and “state authority”, which greatly complicates the understanding of the constitutional idea of a unified system of public authority.

Keywords: state power, state body, unified system of public power, constitutional reform, Constitution of the Russian Federation, local power, state power body, public power

For citation: Baranov P. P. Improvement of the constitutional foundations of national unity of Russian society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):81–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-81-87>.

Долгое время термин «публичная власть» не выступал в качестве «формально-юридического» и использовался в зависимости от контекста соответствующего исследования. И если, например, представители конституционно-правовой науки использовали его, как правило, в значении «государственная власть и местная власть (муниципальная)», то представители общетеоретических направлений науки могли использовать его достаточно широко, а именно в значении – государственная власть, местная власть, народовластие и институты гражданского общества, оказывающие значительное влияние на функционирование всего государственного механизма. Идея рассмотрения публичной власти через идею народовластия традиционно удостоивалась особого внимания [1, с. 3–6]. Не меньшего внимания заслуживает и дискуссия, касающаяся выявления содержания и сравнения категорий «политическая», «публичная» и «государственная» власть.

Категория «публичная власть» официально была легализована в ходе конституционной реформы 2020 года. Однако на уровне Конституции РФ категория «публичная власть» в содержательном аспекте не была раскрыта, хотя и прозвучала в тексте Основного Закона. Содержательно была раскрыта категория «единая система публичной власти» путем определения органов, которые входят в данную систему. На наш взгляд, не совсем логичным представляется тот факт, что это наиболее полное понимание в конституционном тексте «единой системы публичной власти» дано в главе, посвященной местному самоуправлению, практически в самом конце Основного Закона. Речь идет о ст. 132 Конституции РФ, в соответствии с которой «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации...». Одновременно отметим, что категории «публичная власть», «органы публичной власти» и «единая система публичной власти» прозвучали и в других статьях Конституции РФ (ч. 1 ст. 67, ст. 71, ч. 1 ст. 80, ст. 83, ч. 1 ст. 131).

Кроме того, сам Закон о поправке к Конституции формально затрагивает исключительно вопросы публичной власти¹. Здесь, в том числе, возникает вопрос о целесообразности именно такого наименования закона, тогда как формально предложенный блок поправок был значительно шире заявленной проблематики, однако возможно, что такое заведомо «глобальное» понимание проблем публичной власти входило в планы законодателя.

На вопрос о том, по какой причине понадобилась легализация понятия «публичная власть» в современном российском законодательстве нельзя ответить с максимальной степенью уверенности. Однако можно сделать предположение, что существовала объективная необходимость определенным образом нивелировать положения ст. 12 Конституции РФ о том, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Отметим в этой связи, что вопросы о том, насколько «самостоятельным» от государственной власти должно быть местное самоуправление, стали обязательными атрибутами науки конституционного и муниципального права. Таким образом, вводя категорию «публичная власть», делался шаг к тому, чтобы сделать органы местного самоуправления (не само местное самоуправление) в большей степени подотчетными государственному управлению (в широком смысле). Таким образом, законодатель хотел подчеркнуть, что в системе публичной власти существуют две подсистемы: подсистема государственной власти и подсистема местного самоуправления. Отметим также, что в проекте нового федерального закона о местном самоуправлении отсутствует формулировка о том, что последнее осуществляется населением под свою ответственность.

Технически разрешить обозначенную проблему, не изменяя текст главы первой Конституции РФ, было достаточно тяжело, если вообще возможно. Введение категории «публичная власть» пусть и отчасти, но решает данную проблему, однако оставляет сложно решаемыми (также и в перспективе) вопросы даже на уровне понятийно-технического аппарата, как мы уже указали, по причине оставшейся без изменения первой главы Конституции РФ.

Так, например, Президент РФ как орган, относящийся к государственной власти, отвечает за согласованное функционирование системы более высокого уровня (системы публичной власти), нежели уровень, к которому относится он сам. В ранее действующем варианте

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

Конституции Президент вообще не отвечал за функционирование местного самоуправления, и соответствующие изменения были призваны данную ситуацию исправить. Однако, как мы уже неоднократно отмечали, возможности разрешить данную ситуацию более «изящным» способом без изменения главы первой Конституции у законодателя не было.

По итогам конституционной реформы на уровне отраслевого законодательства категория «публичная власть» стала использоваться достаточно активно. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»¹ несколько раз использует понятие «публичная власть» в различных сочетаниях, однако по сравнению с текстом Конституции ничего нового к пониманию публичной власти не добавляет. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»² предлагает уточненный (по сравнению с Конституцией) перечень органов, входящих в единую систему публичной власти. В соответствии с ч. 1 ст. 2 «Под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления...». Нетрудно заметить, что к перечню органов (по сравнению с Конституцией РФ) добавились – «иные государственные органы» (в самом тексте Конституции РФ традиционно используются термины «органы государственной власти» и «государственные органы», что также вызывает большое количество дискуссий), а также государственная власть была представлена двумя уровнями – федеральным и региональным.

Почему законодатель принял именно такое решение – включить блок, посвященный публичной власти – в федеральный закон о Государственном Совете – неизвестно. На наш взгляд, логичным было бы издание самостоятельного закона о публичной власти в Российской Федерации. В законе о Государственном Совете большая часть положений о публичной власти дается через деятельность и полномочия заявленного органа, и такое решение актуальной проблемы представляется достаточно спорным. Кроме того, объективно существует и целый ряд иных проблем, на которые мы еще обратим внимание.

Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ранее действовавший закон оперировал понятием «государственная власть в субъектах») более подробно расписал взаимоотношения между государственной и местной властью на территории субъекта, тем самым «оправдывая» новое название закона.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее полное понимание публичной власти через определение понятия «единая система публичной власти» дает Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации». К сожалению, ни Конституция РФ, ни федеральное законодательство не могут дать четкого ответа на вопрос о том, существует ли единый и однозначный перечень органов государственной власти как перечень государственных органов, и чем отличается «орган государственной власти» от «государственного органа». В этой связи в науке даже сложилось мнение, что есть общее понятие более высокого уровня «государственные органы», к которым относятся и органы государственной власти, и государственные органы в узком смысле (иные государственные органы). Свое подтверждение данная точка зрения получает на уровне современного российского законодательства³.

В условиях объективно сложившейся неопределенности в понимании категории «орган государственной власти» для уяснения ее смысла традиционным стало обращение к ч. 1 ст. 11 Конституции РФ (данный тезис находит свое частичное подтверждение и в правовых позициях Конституционного Суда РФ), в соответствии с которой государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ и суды Российской Федерации.

¹ Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.11.2020. № 45. Ст. 7061.

² Федеральный закон от 08.12.2020 N 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.12.2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.

³ Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 16.02.2009. № 7. Ст. 776.

Однако сразу напрашивается вопрос – является ли Президент РФ «органом» государственной власти в полном смысле этого слова, а не просто лицом, ее осуществляющим? Ни один нормативный акт в качестве такового Президента не определяет, в отличие, например, от Федерального Собрания («представительный и законодательный орган» – ст. 94 Конституции РФ), Правительства РФ («федеральный орган исполнительной власти» – ч. ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»), Конституционного Суда РФ («высший судебный орган конституционного контроля» – ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹), Государственного Совета («конституционный государственный орган» – ст. 3 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации»), Администрации Президента РФ («государственный орган» – п. 1 Указа Президента РФ «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации»²) и др.

В свою очередь Президент РФ, формально не входя в «штат» своей Администрации, обладает целым набором конституционных определений (глава государства, верховный главнокомандующий, гарант прав и свобод и др.), однако ни одно из них не свидетельствует в пользу определения его именно как «органа» государственной власти. В этой связи отметим, что в соответствии с Указом Президента РФ от 11.01.1995 № 32 «О государственных должностях Российской Федерации»³ должность президента относится к государственным должностям Российской Федерации. В этой связи в теоретическом плане немаловажным является вопрос о том, относятся ли лица, замещающие государственные должности, к системе органов государственной власти и единой системе органов публичной власти сами по себе, или же только в контексте органов государственной власти (государственных органов), к которым они относятся. Напомним, что у Президента РФ такого органа (системы органов), к которому бы он формально относился (в отличие, например от Генерального Прокурора, Председателя Следственного комитета, Председателя Конституционного Суда др.), нет. Аналогичную проблему, касающуюся отсутствия в тексте Конституции РФ специальной ветви власти, к которой можно было бы отнести Президента РФ, также невозможно разрешить с точки зрения формально юридического подхода.

Что же касается государственной власти в субъектах, то согласно ч. 2 ст. 11 Конституции РФ, «Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти». К органам государственной власти субъектов относят: высшее должностное лицо субъекта, законодательный орган субъекта, исполнительные органы субъекта, а также мировых судей.

Для того, чтобы определиться с системой государственных органов, формально-юридически не относящихся к органам государственной власти, можно обратиться к Указу Президента РФ от 11.01.1995 № 32 «О государственных должностях Российской Федерации»⁴. В частности, некоторыми авторами делается вывод о том, что статус финансового уполномоченного при том, что эта должность финансируется из государственного бюджета, не аналогичен статусу государственного органа (государственной должности) ввиду формального отсутствия соответствующего государственного органа (Служба финансового уполномоченного к таковым не относится) и отсутствия данной должности в обозначенном перечне. Таким образом, институт «финансового уполномоченного», отмечает Сокол П.В., следует рассматривать как институт «государственно-общественного» контроля [2]. Отметим также, что соответствующий федеральный закон не определяет финансового уполномоченного в качестве «государственного органа»⁵.

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

² Указ Президента РФ от 06.04.2004 № 490 (ред. от 07.03.2020) «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.04.2004. № 15. Ст. 1395.

³ Указ Президента РФ от 11.01.1995 № 32 (ред. от 29.10.2021) «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. № 11-12. 17.01.1995.

⁴ Там же.

⁵ Федеральный закон от 04.06.2018 N 123-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собрание законодательства РФ. 11.06.2018. № 24. Ст. 3390.

Следуя намеченной логике, а также выведя за рамки те должности, которые ассоциируются с «органами государственной власти» (Президент, Федеральное Собрание, Правительство, суды), а также статус которых определить затруднительно (например, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации), мы можем определить перечень «иных государственных органов». При таком подходе к государственным органам (иным государственным органам) можно отнести: Совет Безопасности, Счетную палату, Прокуратуру, Следственный комитет, Центральную избирательную комиссию. Однако такой подход не выглядит «идеальным», потому что оставляет за скобками государственных органов, как минимум, Администрацию Президента РФ (соответствующий Указ определяет ее как «государственный орган») и Государственный Совет РФ (соответствующий федеральный закон определяет его как «конституционный государственный орган»).

В свете обозначенной проблемы еще раз подчеркнем важность вопроса о том, относятся ли лица, замещающие государственные должности, к системе органов государственной власти сами по себе или же только в контексте органов государственной власти, к которым они формально относятся. Также дискуссионным является вопрос о том, можно ли категорию «государственные должности» использовать в значении «органы государственной власти» или «государственные органы». Отметим, что часть исследователей использует данные термины как синонимы.

В свете обозначенных проблем вопрос о том, можно ли в качестве государственных органов рассматривать государственные должности Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей (упомянутых в «перечне»), представляется достаточно актуальным. На наш взгляд, соответствующую проблему необходимо рассматривать не только в контексте разговора о том, может ли государственная должность ассоциироваться с государственным органом (как мы это делали в контексте определения правового статуса Президента РФ), но и в контексте определения наличия или отсутствия реальных государственно-властных полномочий. Однако в данной статье мы по большей части говорим именно о законодательном обеспечении обозначенной проблемы. В этой связи отметим, что Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»¹ в качестве государственного органа Уполномоченного не определяет. При этом Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»² определяет данного Уполномоченного и его рабочий аппарат как государственный орган с правом юридического лица. Что же касается Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка³, то можно заключить, что его статус в контексте рассматриваемой проблемы также определить затруднительно.

Вопрос об отнесении Центрального банка РФ к государственным органам или же к органам государственной власти в современной науке также остается дискуссионным. Однако обратим внимание на тот факт, что в соответствии с ч. 2 ст. 75 Конституции РФ свои функции Центральный банк осуществляет независимо от других органов государственной власти, что формально позволяет рассматривать его в качестве органа государственной власти. Озвученная точка зрения находит подтверждение и в современной отечественной науке [3, с. 44–47], в том числе основываясь и на правовых позициях Конституционного Суда РФ.

На уровне субъектов Российской Федерации также функционируют иные «государственные органы», например, избирательная комиссия субъекта и контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации, прямо обозначенные в соответствующем законе. Что же касается уполномоченного по правам человека и уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, то и тут однозначный ответ об их статусе дать

¹ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.03.1997. № 9. Ст. 1011.

² Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 13.05.2013. № 19. Ст. 2305.

³ Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2018. № 53 (часть I). Ст. 8427.

достаточно тяжело. При этом анализ положений Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹ позволяет заметить, что функции уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъекте Российской Федерации (в федеральном перечне государственных должностей не фигурируют) могут быть возложены на уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (в федеральном перечне государственных должностей присутствует). Кроме того вопросы, касающиеся государственных должностей субъекта, располагаются в главе, носящей название «Иные государственные органы субъекта Российской Федерации», что еще раз актуализирует проблему о соотношении данных институтов. Также отметим, что, на наш взгляд, перечень соответствующих органов на уровне субъекта остается открытым.

От государственных органов следует отличать отдельные виды некоммерческих организаций²: государственная корпорация (учреждается Российской Федерацией), государственная компания (создается Российской Федерацией), государственные учреждения (создаются Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации). Вопрос о том, насколько обоснованно выведение, например, государственных корпораций за пределы системы единой публичной власти, является активно обсуждаемым. Так, в современной науке справедливо отмечается, что исключение некоммерческих организаций из системы органов публичной власти, с одной стороны, ведет к снижению уровня координации их деятельности и контроля над ними со стороны государственных органов, а с другой – актуализирует проблему слабой научно-теоретической разработанности всего блока вопросов, затрагивающих публичную власть и публичное управление в конкретно-прикладном ключе [4, с. 29–34]. Также отметим, что обозначенные некоммерческие организации нередко заявляют на «официальных сайтах» федерального и регионального уровня в качестве «органов власти» без указания на то – какой именно. Таким образом, снимается вопрос о прямом противоречии законодательству, но подчеркивается особое место данных организаций в системе публичного управления.

В заключение настоящей статьи отметим следующее. По итогам конституционной реформы 2020 года категория «публичная власть» и ее производные начинает активно использоваться на уровне законотворчества и в различных подзаконных актах. Если раньше использование термина «публичная власть» было возможно на уровне государственно-правового исследования (в том числе, чтобы каждый раз не упоминать отдельно государственную и местную власть, когда в этом нет соответствующей необходимости), то теперь эта категория легализована как полноценная юридическая.

В обновленном варианте Конституции РФ можно найти три новых понятия по заявленной проблематике: публичная власть, органы публичной власти, единая система публичной власти. Формально в тексте Конституции раскрывается только последнее – единая система публичной власти (ст. 132). При этом понимание «единой системы публичной власти» идет в самом конце Основного Закона, что существенным образом нарушает логику конституционного текста. Однако наиболее развернутое понимание единой системы публичной власти дается не в Конституции, а в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации».

Следует обратить внимание на тот факт, что единое понимание «органа государственной власти», как и «государственного органа» в современном отечественном законодательстве, отсутствует, что существенным образом затрудняет понимание единой системы публичной власти и органов, ее составляющих. На наш взгляд, существует объективная необходимость принятия отдельного и самостоятельного закона «О единой системе публичной власти в Российской Федерации», в котором обозначенные нами проблемы полностью или частично были бы разрешены.

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.12.2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 145.

Особо отметим, что независимо от органов, олицетворяющих и представляющих публичную власть, «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ). Также обратим внимание на тот факт, что после того, как на уровне Конституции РФ было закреплено «узкое» (в отличие от общетеоретического) понимание публичной власти, использование данного термина в его широком значении, возможно, станет значительным образом менее популярным.

Список источников

1. Лебедев В.А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 3–6.
2. Сокол П.В. Институт уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 68–73.
3. Тарабан Н.А. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) в системе органов государственной власти: конституционно-правовые основы организации и деятельности // Финансовое право. 2017. № 6. С. 44–47.
4. Спиридонов П.Е. Особенности системы публичного управления в Российской Федерации и ее влияние на развитие административного права // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 29–34.

References

1. Lebedev V. A. Democracy and public authority. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2021;(3):3–6. (In Russ.)
2. Sokol P. V. Institute of the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020;(4):68–73. (In Russ.)
3. Taraban N. A. The Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) in the system of public authorities: constitutional and legal foundations of organization and activity. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2017;(6):44–47. (In Russ.)
4. Spiridonov P. E. Features of the public administration system in the Russian Federation and its influence on the development of administrative law. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2021;(8):29–34. (In Russ.)

Информация об авторе

П. П. Баранов – Заслуженный деятель науки РФ, докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного и муниципального права.

Information about the author

P. P. Baranov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 11.03.2022.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 11.03.2022.